

* * *

Прикоснулась к корням,
Вновь припала к истокам,
Напоили меня
Здесь живительным соком
Эти лес и река,
Что достались в наследство,
На года, на века
От далёкого детства,
Где за рыжей горой
Притаилось болото,
Там ночами порой
Плакал жалобно кто-то.
Мне печаль иногда
В сердце снова стучится,
И не ясно тогда,
Плачу я или птица.

ДВЕ МАТЕРИ

Когда в саду роскошно птицы пели,
Светило солнце на макушку дня,
Две матери у детской колыбели
Укачивали песнями меня.

Две матери – Россия с Украиной.
Моя любовь и нежность. И тоска
По времени, когда они – едины.
Одной картины два цветных мазка.

А позже дед рассказывал мне сказки
О реках меж кисельных берегов,
Куда наш предок накануне Пасхи
Пришёл обороняться от врагов.

Святому долгу без оглядки внемля,
Он не жалел ни времени, ни сил.
И полюбил тогда Сумскую землю
Не меньше, чем Орловщину любил.

Вдыхая сладкий запах медуницы,
Здесь преграждал дорогу чужаку.
На воду глядя с берега Ворсклицы,
Он вспоминал далёкую Оку.

Отец мой тоже принял эстафету.
Он, в сорок первом севший в самолёт,
Лишь в сорок третьем, на исходе лета,
Прервал на время длительный полёт.

В слегка осевшей, старой русской хате
Стоял духмяный запах чабреца –
Возле Орла, в Приокском медсанбате,
От ран лечили моего отца.

И, перевязки делая умело,
Установив нежданное родство,
Сестричка русская душевно пела
Украинские песни для него.

Замкнулся круг, наполненный любовью.
Я – русская, украинка – сестра.
Два факела горят у изголовья,
Зажжённых от единого костра.

И зову сердца как теперь не верить!
Орловщина – моя вторая мать.
Я прихожу сейчас на Окский берег,
Чтобы Ворсклицу с грустью вспоминать.

* * *

Сжалась, как шагреновая кожа,
Бывшая великая страна.
Стала абсолютно непохожей
На себя, просторную, она.
Только за распахнутой калиткой
Колобродит прежний соловей...
А туман распухшую улиткой
Зелень объедает у ветвей.
Цепь тревожно звякнула в колодце.
Долго ль новой ожидать беды?
Бог помилуй! – может быть, придётся
Нам платить за капельку воды.
За духмяный вересковый воздух,
За журчанье вешнего ручья.
Слюнки истекают у прохвостов –
Изобильна родина моя.
Выйду на рубиновом рассвете
Травы-изумруды собирать,
Рябью набежит жемчужный ветер
На аквамариновую гладь.
Всё это дарилось, безусловно,
Мне, рождённой в звонкой красоте.
Пусть и дальше соловей влюблённый
Трели рассыпает в темноте.

* * *

На зелёной планете
Под названьем Земля
Неразумные дети
Вновь из пушек палят.
И кричат: «Я сильнее,
Это я победил!»
А от боли немея,
Выбиваясь из сил,
К ним взывает планета:
– Пощадите меня!
Я невзвидела света
От стрельбы и огня.
Стали полны озёра
Кровью вместо воды,

Открывается взору
След не той борозды,
Что оставит на пашне
Юный пахарь весной,
Здесь воронки кричащей
Снова ширится вой.
И зияют глазницы
В опустевших домах,
И границы, границы
На земле и в умах.

СВЯЗЬ ВРЕМЁН

Стихи читала о войне
Девчужка в платьице сатиновом.
Метались в клубе по стене
Отсветы лампы керосиновой.

Летел и рвался голосок
Сквозь зал невыслымыми волнами,
В проём окна наискосок
Луна заглядывала полная.

Рыдали бабы не таясь,
А мужики волненья прятали.
Откуда в пигалице связь
С войной прошедшею треклятою?

Косички, галстук... Десять лет.
А в сердце – знание недетское.
От поражений и побед
Мы никуда, видать, не денемся...

Спустя полвека – тот же зал.
(Он не сравним с другими залами!)
Косой закатный луч упал
На обветшалый красный занавес.

И в загустевшей тишине,
Со сцены, убранной гравюраами,
Стихи читает о войне
Девчужка в платьице гиппоровом.

* * *

*Памяти моего дяди
Алексея Неговора*

Здесь сентябрь, как пирог слоённый,
То оранжевый, то зелёный.
Катит тыквы по огороду,
Запрягает мышей в подводу.
Перед тем, как домой собраться,

Рассказать захотелось вкратце,
Что за синей прохладной речкой
Было поле с медовой гречкой.
И с утра и до самой ночи
Там трудилась, что было мочи,
Над кипеньем крутым летая,
Пчёл, в согласии дружном, стая.
А потом на широком блюде
Плыло золото. Брали люди
Распечатанных сотов ломти.
Свет в ячейках лучисто-ломких
Распадался на сотни капель
И на хлеба горбушку капал.
Дядя Лёшка – костыль под мышкой,
Возле ульев ходил вприпрыжку.
Наблюдал за порядком строго
И почти забывал про ногу,
Что осталась в бою под Курском
На прославленном поле русском.

* * *

Ты жива ещё, моя старушка...
С. Есенин

Пока живут ещё старушки
В людьми забытых деревнях
И травы собранные сушат
В духмяных сумрачных сенях,
Где вековые ароматы
Полыни, мяты, чабреца,
На лавке старые ушаты
И рядом свежий след корца...
Жива Россия. И пред Богом
Всё ещё может быть права.
И говорят ему о многом
Молитвы простенькой слова:
«Подай сегодня хлеб насущный
И отведи от нас беду.
Тот срок земной, что нам отпущен,
Дозволь прожить с собой в ладу...»
А вверх уходит – Боже Правый –
Спаси Россию в трудный час!
Многострадальная Держава

Опять в плену. На этот раз
Не мчится с гиканьем и свистом
Лихой раскосый басурман,
Не танк ползёт, не слышен выстрел,
Лишь клевета, подлог, обман.
Растёт невидимая сила
И разрушает изнутри.
Благословенная Россия
В незримом пламени горит.
И с каждым днём огонь всё выше,
Неистов, яростен и лют.
Но вечерной набат не слышит
Беспечный православный люд.
И лишь отдельные моленья
Осанну Вышнему поют.
Стоит старушка на коленях –
Спасает Родину свою.

* * *

Катит полночь яблоко луны
По крутой дороге небосвода.
Кто бы ведал, как сейчас нужны
Тихие мелодии природы!

Пусть они – прозрачные – текут,
Не взрывая гневом эту полночь,
Чтобы неба крапчатый лоскут
Вытер всю накопленную горечь.

И пролил предутренним дождём
Тёплую живительную влагу:
Каплями – в иссохший водоём,
Строчками – на ждущую бумагу.

Чтобы снова были силы жить,
Прирастать, как дерево, ветвями
И минутой каждой дорожить,
Дорожить хорошими друзьями.

Запахнувшись пледом тишины,
Катит Орлик медленные воды.
Катит полночь яблоко луны.
Катит жизнь мгновения и годы...